

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

№ 112 (549)

Ревель. Пятница, 19-го мая 1922 г.

III годъ изданія.

Тайна бѣлой чайки.

Чайка, бѣлая чайка отъ печальными
приками носится
Надъ холодной разливной морской...
К. Бальмонтъ.

Газеты сообщаютъ намъ объ огромномъ успѣхѣ, сопровождавшемъ гастроль Московскаго Художественнаго театра въ Стокгольмѣ.

Зрительный залъ не вмѣщалъ желавшихъ лично убѣдиться въ торжествѣ русскаго сценическаго искусства. „Гамлетъ“, „Вишневый садъ“ и „Изъ всякаго мудреца довольно простоты“, все въ одинаковой мѣрѣ вызывало энтузіазмъ шведской публики.

Выдающіеся театральные критики Даніэль Фальстремъ и Эйнаръ Смитъ съ восторгомъ привѣтствовали нашихъ „художественниковъ“, а на торжественномъ банкетѣ, устроенномъ въ ихъ честь шведскими общественными кругами, указывалось, что русскимъ артистамъ одинаково доступны и философская углубленность Шекспира, и лирическія настроенія Чехова, и бытовая красочность Островскаго.

Эта новая побѣда Московскаго Художественнаго театра, конечно, радостна всякому русскому сердцу, но она не является неожиданностью. Триумфы „художественниковъ“ почти вошли въ обиходъ заграничной театральной жизни.

Иной разъ они шумѣе, порою сдержаннѣе, но сочувственный приѣмъ обеспеченъ имъ во всѣхъ уголкахъ культурнаго міра.

И не въ той мѣрѣ интересны отбѣнки этихъ заграничныхъ успѣховъ нашихъ прекрасныхъ драматическихъ артистовъ, сколько развѣшеніе основного вопроса, въ чемъ заключается тайна обаянія сценическаго творчества московскихъ „художественниковъ“.

На сценѣ ихъ театра изображена бѣлая чайка — символъ напряженныхъ художественныхъ исканій.

Итакъ, гдѣ же скрывается тайна власти бѣлой чайки надъ нашими сердцами, тянущимися къ беззавѣтному солнцу истиннаго искусства?

* * *

Отвѣтомъ на это служить только что вышедшая въ Прагѣ книга „Артисты Московскаго Художественнаго театра за рубежомъ“.

Она освѣщена пламеннымъ горѣніемъ любви къ искусству въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: оттого-то такимъ высокимъ подъемомъ отличаются ея немногочисленные, но идущія прямо отъ сердца страницы.

Въ чемъ отличіе Московскаго Художественнаго театра отъ прочихъ знакомыхъ намъ театровъ?

Вотъ что пишетъ по этому поводу вдумчивая артистка М. Н. Германова:

„Я смотрю на другіе театры. Мольшіе, хорошаго тона; есть въ нихъ прекрасныя традиціи, исключительная по высотѣ духа работа. Они — прекрасные театры. Мы, можетъ быть, хуже. Но нѣтъ у нихъ той тайны, которая заставляетъ насъ съ нѣжностью и благоговѣніемъ признавать это слово: „Нашъ театръ.“ Эта неуловимая тайна, маленькая, голубая лампадка — его непостижимая прелесть, его самая крѣпкая сила. Театръ сизень работой, ищущей, выискующей, но живъ онъ будетъ, и это рѣдкое его искусство будетъ живо, пока жива будетъ его *этика*, если условиться опредѣлять грубостью слова эту его неуловимую тайну.“

Маленькая, голубая лампадка... Но вѣдь лампы зажигаютъ только передъ святыми иконами — предметами религіознаго культа.

И, думается, это благоговѣнное отношеніе къ своему любимому дѣлу составляетъ характернѣйшую черту „художественниковъ“.

Трогательную подробность сообщаетъ та же М. Н. Германова о жизни артистовъ Московскаго Художественнаго театра въ совѣщеніи.

Многіе изъ нихъ невыносимо страдали отъ холода въ своихъ разгромленныхъ квартирахъ — и имъ было предоставлено право жить въ теплыхъ уборныхъ театра. Но никто не воспользовался этою возможностью.

Почему?

„Это нежеланіе „жить“ въ театрѣ — извести его до квартиры, обудить такъ понятно намъ“, замѣчаетъ М. Н. Германова.

Несмотря на то, что принципиальное это нежеланіе стоило жизни двумъ талантливымъ артисткамъ — Муратовой и Бутовой.

* * *

Такое отношеніе артистовъ къ своему театру. Оно окрыляя поднимаетъ ихъ на немалѣйшую высоту надъ другими товарищами по искусству.

Но это нѣчто ихъ собственное, личное, хотя и имѣющее въ то же время глубоко общественный характеръ.

Однако, далеко не все здѣсь сказано, и тайна обаянія бѣлой чайки — лишь отчасти въ этой сторонѣ дѣятельности „художественниковъ“.

Американскій поэтъ Уотъ Уитманъ, наблюдая зиму, весну, лѣто, осень —, какъ они сами себя раздаютъ и проходятъ“, призываетъ человѣка не бояться раздавать отъ чистаго сердца сокровища своей души, ибо: „То, что вы расточите, возвратится вамъ, какъ веснѣ, что вѣчно возвращается, и вы пребудете богаты въ расточительности своей, какъ богаты землями весны“.

Эти слова Е. Краснопольская въ книгѣ о Московскомъ Художественномъ театрѣ приписываетъ къ его доброму гению К. С. Станиславскому.

Но то же можно сказать по отношенію къ любому изъ пріобщившихся къ этому художественному дѣйству, будь то артистъ или писатель, безразлично.

И чрезвычайно характерны въ послѣднемъ отношеніи воспоминанія прославленнаго В. И. Качалова: „Мое знакомство съ Художественнымъ театромъ“.

Съ безпощадною искренностью признается онъ въ своемъ неожиданномъ пораженіи при первыхъ шагахъ въ сценѣ послѣдняго. Уже достигшій популярности провинціальный артистъ, долгие время торговавшійся со Станиславскимъ и Немировичемъ-Данченко, прежде чѣмъ принять ангажементъ въ Москву, онъ, оказавшись въ средѣ „художественниковъ“, пришелся сначала имъ не ко двору.

„Насколько они были просты и естественны“, вспоминаетъ В. И. Качаловъ: „насколько я былъ ходуленъ и декламационно напыщенъ; насколько они горячи и по-настоящему темпераментны, насколько я — театрално холоденъ и деревяненъ“. Прошло много времени до тѣхъ поръ, пока В. И. Качалову далось постиженіе тайны обаянія Художественнаго театра, его основныя заповѣди, повелѣвавшихъ всѣмъ его адептамъ раздавать отъ чистаго сердца сокровища своей души и быть простыми, какъ проста сама жизнь.

И день проникновенія въ эту тайну былъ, по признанію В. И. Качалова, счастливейшимъ днемъ его жизни.

* * *

Московскій Художественный театръ называютъ — „Домомъ Чехова“, и, нужно замѣтить, наименованіе это имѣетъ полное основаніе.

Творческая личность автора „Вишневаго сада“ во многихъ отношеніяхъ какъ бы предопредѣлила направленіе столь любимого имъ театра художественныхъ исканій.

Вѣдь онъ также никогда не боялся раздавать отъ чистаго сердца сокровища своей души; вѣдь онъ тоже былъ проникнутъ поэзіей великой простоты.

Чеховъ и Московскій Художественный театръ, какъ извѣстно, нашли другъ друга при постановкѣ на сценѣ послѣдняго уже однажды провалившейся „Чайки“.

Характерный разсказъ о первомъ представленіи этой чеховской пьесы находимъ мы въ воспоминаніяхъ О. Л. Книпперъ-Чеховой:

„Первые два акта прошли... Мы ничего не понимали... Во время перваго акта чувствовалось недоумѣніе въ залѣ, безисходность, даже слышались протесты — все казалось новымъ, непріемлемымъ: и темнота на сценѣ, и то, что актеры сидѣли спиной къ

публикѣ, и сама пьеса. Ждали третьяго акта... И вотъ по окончаніи его — тишина какія-то нѣсколько секундъ, и затѣмъ что-то случилось, точно плотину прорвало, мы сразу не поняли даже, что это было, — и тутъ-то началось какое-то безуміе, когда перестаетъ чувствовать, что есть у тебя ноги, голова, тѣло... Все слилось въ одно сумасшедшее ликованіе, зрительная зала и сцена были что-то одно, занавѣсъ не опускался, мы всѣ стояли, какъ пьяные, слезы текли у всѣхъ, мы обнимались, цѣловались, въ публикѣ звенѣли взволнованные голоса, говорившіе что-то, требовавшіе послать телеграмму Чехову въ Ялту... И Чайка, и Чеховъ-драматургъ были реабилитированы. Чѣмъ же мы заняты? Актеры мы всѣ, за исключеніемъ Станиславскаго и Вишневаго, были неопытные, и не такъ уже мы прекрасно играли „Чайку“, но думается, вотъ эти двѣ любви къ Чехову и къ театру нашему, которыми мы были полны до краевъ, и которыя мы несли съ такимъ счастьемъ и страхомъ, и упованіемъ на сцену, не могли не перелиться въ душу зрителей, и онѣ-то и дали намъ эту никогда больше не повторявшуюся радость побѣды...“

* * *

Именно со времени этой побѣды нераздѣльна оказалась судьба Чехова и Московскаго Художественнаго театра. Вотъ почему почти на каждой страницѣ исторіи послѣдняго встрѣчается безконечно милое намъ имя автора „Чайки“.

* * *

„Если гастрольные спектакли „художественниковъ“ вызываютъ восторженное къ себѣ отношеніе со стороны европейской театральной публики, то для насъ, эмигрантовъ, они являются властными напечатами о далекомъ и дорогомъ сердцу нашемъ прошломъ.“

Это значеніе Московскаго Художественнаго театра для скитающейся русско-интеллигенціи прекрасно охарактеризовано Ю. Н. Чариковымъ въ очеркѣ „Какъ я сдѣлался драматургомъ“:

„Когда послѣ долгихъ скитаній по славянскимъ землямъ я пріѣхалъ въ Прагу, я въ тотъ же день вечеромъ, презрѣвъ досаждающее утомленіе, отправился на спектакль Художественнаго театра. Шелъ и волновался, словно юноша, идущій на свиданіе съ любимой дѣвушкой...“

Играли „Трехъ сестеръ“. Поднялся занавѣсъ, и я быстро позабылъ, что я — не въ Москвѣ, а въ Прагѣ. Точно колесо жизни завертѣлось въ обратную сторону и вернуло мнѣ то далекое время, тотъ памятный день, когда я впервые въ жизни попалъ на спектакль Московскаго Художественнаго... Снова, какъ восемнадцать лѣтъ тому назадъ, я позабылъ о времени и пространствѣ, отдавъ всю душу во власть волшебниковъ сцены, снова жилъ единымъ трепетомъ съ воскресшими героями незабвеннаго Чехова, и снова я, уже сѣдой и

усталый отъ жизни и отъ людей, потихоньку отиралъ слезы состраданія и умиленности и боролся со спазмами въ горлѣ. И казалось, что ничего не случилось, что я снова — въ Россіи, что Чеховъ вовсе не умиралъ, а живъ и гдѣ-то близко, тутъ, въ театрѣ прачется за занавѣсью ложы.

Странное чувство, похожее на испугъ, охватывало меня, когда я вышелъ изъ театра и очутился не въ Москвѣ, а въ Прагѣ. Точно въ сказкѣ: слеталъ на коврѣ-самолетѣ въ родныя провинціальныя захолустья, побывалъ въ Москвѣ, повидался съ Антономъ Павловичемъ и снова превратился въ человѣка безъ родины, безъ родного дома, одинокій и заброшенный, какъ безпріютная собака, потерявшая своего хозяина. И, какъ собачка, мнѣ хотѣлось выть отъ душевной скорби. Точно я вернулся съ кладбища, на которомъ зарылъ въ землю все дорогое, все любимое, безъ чего нельзя жить... Долго не спалось. Картины прошлаго, тѣсно пережитыя съ Художественнымъ театромъ, одна за другою вставали въ моей памяти, и душа шептала, глотая слезы: „Въ Москву! въ Москву!“

* * *

Какъ и театръ „художественниковъ“ ближе намъ, тотъ, который остался въ Москвѣ, или же тотъ, который оказался за рубежомъ?

Думается, что второй...

Вотъ о первомъ доходятъ тревожные слухи. Говорятъ, что отпечатокъ большевистскихъ дней чувствуется уже въ его постановкахъ.

Разсказываютъ о тенденціозной, антихудожественной трактовкѣ „Ревизора“, къ которой придрались для того, „чтобы грубо и холодно осмѣять „старый режимъ“.

Не хотѣлось бы вѣрить этимъ слухамъ.. Но кто знаетъ, можетъ быть, они содержатъ въ себѣ долю правды.

Совсѣмъ иначе стоитъ дѣло съ зарубежнымъ театромъ „художественниковъ“.

Ихъ дѣятельность — у всѣхъ насъ на виду, и мы знаемъ, что они въ тревогѣ нынѣшнихъ смутныхъ и трудныхъ эмигрантскихъ дней не поступились ничѣмъ въ служеніи тѣмъ идеаламъ сценическаго искусства, передъ которыми насъ пріучили восхищенно преклоняться К. С. Станиславскій и В. И. Немировичъ-Данченко.

И если крылья московской „Чайки“ опалены большевистскимъ пожаромъ, то „Чайка“ зарубленная сохраняла свои вольныя крылья въ бѣлоснѣжной чистотѣ.

И потому насъ не могутъ не волновать сладкимъ волненіемъ національной гордости все новыя и новыя зарубежныя ея достиженія.

Станицій.